

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЙ ТОМ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	7
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	67
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ	197

ВТОРОЙ ТОМ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	271
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	401
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ	475

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ	504
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ПИСЕМ	506
БЛАГОДАРНОСТИ	508

ПЕРВЫЙ ТОМ

*Есть высокая гора,
В ней глубокая нора*

Пушкин

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

■ ПЕРВОЕ ПРАВИЛО

Не оставляйте ей выбора.

По-английски всегда короче и чётче: No choice.

Заставьте смотреть. Зацепите. Если вы не удержите её у экрана девять секунд, все ваши труды пойдут прахом.

Сразу же дайте главное обещание. Покажите красавца – и не на ваш собственный вкус, не на мой вкус красавца, а на вкус среднестатистической тётки в халате, пятьдесят пять плюс. Покажите ей крупного, статного, молодого... Вообще-то ему уже тридцать восемь, но выглядит он свежо: щёки кровь с молоком, кудри русые, глаза, естественно, голубые. Красавец в белой открытой рубашке, пушкинско-мушкетёрско-гардемаринской, в обтягивающих панталонах. Смотрит вверх, в потолок, прямо в камеру – так что тётке, застывшей перед экраном со сковородкой, кажется, что он глядит именно на неё, снизу вверх. Многообещающий ракурс.

Быстрее, осталось семь с половиной секунд.

В руке у него перо – большое, гусиное, настоящее. Он проводит этим пером по нижней губе – туда оно скользит гладко, а обратно цепляется за губу, топорщится – чтобы зрительница обратила внимание на его губы: полные, ярко очерченные; верхняя – с трогательным треугольным клювиком. Если дать тётке ещё полсекунды, она, возможно, заметит, что пряничной красоте чего-то недостаёт: он будто бы не до конца наведён на резкость, слегка не в фокусе – поэтому эти лишние полсекунды вы ей не даёте. Красавец обмакивает перо в чернильницу и, склонясь над страницей, пишет, как бы в порыве внезапного вдохновения. Перо скрипит.

Разумеется, вы не покажете тётке, что в бронзовой антикварной чернильнице сухо. Иначе балбес всё заляпал бы, и рубаху свою псевдопушкинскую заляпал: он не умеет писать пером. Начали было учить, наняли специального преподавателя, но доучить не успели. Скрип пера подложен из библиотеки шумов, а под перьевым наконечником спрятан обычный шариковый стержень.

Что́ он пишет, не видно. Стихи, думает тётка со сковородкой. Кому? По логике, той, кому заглядывал в глаза снизу... Он любит меня, балбес, нежно думает тётка. Ляжки в лосинах чуть полноваты, но ничего.

Дело сделано, месседж послан. Можете ли вы коротко сформулировать этот месседж? А одним словом можете? Ну конечно. «ЛЮБОВЬ». Тётка со сковородкой хочет смотреть про любовь, и она смотреть будет. Значит, вы всё сделали правильно – и в девять секунд уложились с запасом. Мои поздравления.

Теперь, поскольку этот небольшой запас времени тоже необходимо потратить с толком, вы можете очертить сеттинг, сиречь вселенную, в которую тётке захочется погрузиться, забыть про свои сковородки и про бухгалтерию, где она работает до пенсии. Вот, пожалуйста, ссылочка на заставку «Дома Орловых»: виньетки, люстры, паркет, позолота, белые платья, мундиры, кавалергарды... Деятнадцатый век: Пушкин, первый бал Наташи Ростовской, вот это всё. Любовь в девятнадцатом веке. Пока достаточно.

■ ВСЕЛЕННАЯ РАСШИРЯЕТСЯ

Достаточно – но не для вас. Вы-то сами – не тётка со сковородкой (даже если вы тётка со сковородкой).

Вы знаете, что кудрявый муфлон в лосинах – второразрядный актёр, что в чернильнице пусто, что весь девятнадцатый век

снят в одной декорации, в одном-единственном, хотя и очень большом, павильоне.

Что мне делать, если семейные саги наводят на вас тоску?

Да, вы в курсе, что «Дом Орловых» – это самый успешный российский проект телесезона 2021/22, прорывной способ работы с актёрами в реальном времени и поразительный человеческий эксперимент. Да, вам интересно, как всё это было устроено. И да, конечно, вам хочется повторить и превзойти мой успех, вам, как и мне, нужны рейтинги. Но вы ничего не можете с собой поделывать, от мелодрам вас тошнит и перспектива застрять в павильоне «Дома Орловых» среди фраков, лосин, причёсок а-ля девятнадцатый век, локонов, ахов, вздохов и позолоченного пенопласта вызывает у вас клаустрофобию. Ваши чувства изношены, притуплены профессией, но они всё же есть, вы живой человек.

Что мне такого сделать, чтобы вы прочитали этот учебник не только по необходимости, а с интересом?

Думаю, провести небольшую экскурсию.

Вы помните, что декорация «Дома Орловых» была смонтирована в АСБ-29¹ – в самой большой эфирной студии Останкинского Телецентра.

Если вы проведёте в здании Телецентра хотя бы несколько дней, то в какой-то момент вас коснётся странное чувство безжизненности. Скорее всего, это произойдёт поздним вечером, когда опустеют останкинские коридоры.

В одном из писем А. Ю. Орлов (тот самый балбес в лосинах) упоминает коридор третьего этажа, который тянется вдоль телецентровского фасада почти что на полкилометра. Он

¹ ■ АСБ – аппаратно-студийный блок телевидения, состоящий из режиссёрской аппаратной и собственно студии, или павильона. (Здесь и далее примечания, равно как и фрагменты основного текста, помеченные значком ■, принадлежат шоураннеру.)

кажется бесконечным, по правой стороне закрытые пронумерованные двери – почему это зрелище так угнетает? Может быть, потому, что для человека естественно находиться в доме, где комнаты можно пересчитать по пальцам. Одна-единственная закрытая дверь – уже источник тревоги: вдруг в этой комнате Синяя Борода прячет мёртвое тело?

Закрытая дверь – как зудение зуммера, но когда этих зуммеров сотни, тревога не возрастает, а наоборот, притупляется. Такого же рода апатия и тоска охватывает посетителя любой большой канцелярии или тем более министерства. Представьте себе МИД, высотку, двадцать семь этажей офисов и подсобок. Теперь положите эту высотку горизонтально. Телецентр больше в два с половиной раза: кубатура высотки – 400 тыс. м³, объём «Останкино» – более миллиона кубических метров.

При этом Останкинский Телецентр – не обычное министерство. От коридоров отходит множество ответвлений, и если вы двинетесь внутрь, заплутаете в этих проходах, пазухах, закоулках, наугад выберете дверь, наляжете на поворотный рычаг, дверь неохотно откроется, вы заглянете в тёмную студию или в техническое помещение... и увидите, что Телецентр – это огромный завод: студии – те же цеха, а телекамеры, краны и осветительные приборы – те же станки и турбины; здесь тоже пахнет нагретым железом, резиной, горелой пылью, а за пределами студий вы постоянно слышите очень далёкого, но гигантского комара или пчелу: это жужжат доисторические кондиционеры, собранные, как я читал, зэками на Домодедовском машстройзаводе в 1960-х годах, отмотавшие четыре срока и продолжающие гудеть и дрожать.

Вот у нас уже есть набросок художественного решения: пустой коридор уходит в тусклую бесконечность, как в дымку; по правой стороне – двери, двери, сотни дверей; камера очень медленно движется – не для того, чтобы миновать коридор, а наоборот, чтобы усилить ощущение безвыходности; висит фоновый гул...

И всё же любой настоящий завод, Домодедовский ли машиностроительный, Магнитогорский ли металлургический, как бы он ни пугал и ни подавлял нас, утончённых работников кино- и телеискусства, какие бы звероподобные заключённые там ни работали, любой действующий завод – это всё же некая очевидность, целесообразность. Завод производит что-то реальное и, в этом смысле, живое.

А что производит Останкинский Телецентр?

Вообразим себе окна многоквартирных домов, подслеповатое голубое мерцание в этих окнах. Но даже экраны, жидкокристаллические дисплеи собраны не в Останкино, а в Китае, в Корее, в Калининграде. Телецентр производит лишь образы, изображения на экранах, мелькающие на одну двадцать пятую долю секунды и исчезающие навсегда. Останкино – все эти горы металла, цеха, склады, *тихие зоны*, эфирные АСБ, заключённые в звуко- непроницаемые пружинные саркофаги: вы знаете? некоторые из таких студий способны выдержать землетрясение, чуть ли не атомный взрыв – не пошатнувшись, не моргнув объективом... – но что, собственно, здесь производится? Пустота.

Пустота плюс тщеславие.

Может быть, именно в этом причина странного изнеможения, которое настигает в останкинских коридорах. Не дешёвая мистика (мол, построено на месте кладбища, на костях, на останках – отсюда «Останкино»), не зомбирующее излучение, про которое любят шутить сотрудники Телецентра, и даже не электромагнитный фон, действительно очень высокий, оттого что всё здание нашпиговано проводами, – нет: я думаю, это душевное оцепенение перед лицом... точнее, перед безликостью пустоты.

Даже воздух тут неживой, неподвижный, пустой, как дистиллированная вода, без вкуса, без запаха. Им нельзя надыхаться.

■ ПЕРЕХОД ХОДА

И вот вместо тупой мелодрамы мы получаем своеобразный жанровый сэндвич: костюмная сага плюс... как назовём?.. ну, навскидку, без лишней скромности – пусть будет экзистенциальный триллер.

ОК. Но мы же с вами не просто болтаем, мы учимся мыслить картинкой. Набросаем сценарий рекламного ролика.

...Нет, я не имею в виду трейлер «Дома Орловых», этих роликов было полно (см. сссылочки в приложении) – давайте представим трейлер учебника, вот этого, который у вас в руках. Я предложил вам два образа: сладкий, яркий, пышущий жизнью муфлон в лосинах – и безжизненный выморочный коридор Телецентра. Как мы два эти образа соединим?

Подумайте пару минут. Запишите то, что придумали.

Теперь сравните с моим вариантом.

Каким бы сложным ни было моё отношение к К. З. Тодуа, его афоризмы частенько приходятся кстати – сейчас, например, такой: «Кратчайшее расстояние между точками – это прямая».

Вернёмся к первой картинке. Наш кудрявый балбес поднимает глаза к потолку. Мы следуем за его взглядом и видим на потолке правильные ряды пятнышек. Приближаемся и различаем, что это не шляпки гвоздей, а крошечные объективы – каждый не больше, чем объектив смартфона... Бац! мы уже внутри объектива, как в глазном хрусталике, и видим героя внизу искривлённым, как через выпуклое стекло. Пропламываем потолок (можно подкрепить движение треском гипсокартона) и поднимаемся над декорацией.

Осветительные приборы, фермы под потолком – у Орлова мы встретим подробное описание. Важно ощутить размер студии, почти двадцать тысяч кубических метров. Усилим контрастность: провалим всю студию в темноту и на фоне сплошного чёрного космоса дадим яркие стрельчатые лучи прожекторов, как рефлекторы в операционной.

Не замедляем движение камеры! С ходу врезаемся в стену АСБ-29: прогрызаем звукопоглощающую обшивку, проламываем бетон (с шумом сыплется крошка) – и оказываемся во внутренностях межэтажного перекрытия: трубы, трубки, трахеи, артерии, провода, разноцветные, как на схеме в анатомическом атласе, узлы, сплетения, связки, волокна... Скользим вдоль проводов с электрическим звуком (на самом деле, такого звука не существует – но ведь какой-то звук в вашей фантазии связан с электричеством: потрескивание? гудение? Когда нет времени, стереотипы прекрасно работают, используем не стесняясь: звук нужен секунды на полторы). Пробурившись сквозь этажи, выскакиваем в коридор – тот самый, ранее мной описанный коридор, вечерний, пустынный, тусклый. Далеко впереди в расфокусе – человеческая фигурка.

Чтобы усилить ощущение скорости, используем долли²: продолжая быстро двигаться по горизонтали, одновременно взлетаем с уровня пола на высоту человеческого роста. Приближаясь, мы видим, что человек стоит, упершись в стену руками и лбом, ему явно нехорошо. На нём джинсы, чуть мешковатые, поношенная тёплая куртка. Сразу считывается: на улице поздняя осень или зима, человек небогат, возраст средний, волосы русые... Ба! Да ведь это муфлон! Только выглядит он гораздо, гораздо бледнее, чем давеча в студии: какой-то помятый, потасканный...

Ну всё, дальше рассматривать некогда, я лишь успеваю крикнуть вдогонку, что это действительно наш герой за четыре часа до того, как он впервые попал на съёмочную площадку «Дома Орловых»: с разгону мы вклиниваемся ему в голову – ▲! И дальше – везде, где фигурирует треугольник ▲, – звучит уже не мой скрипучий голос, а бархатный баритон А.

² ■ *Dolly* – операторская тележка (англ.). В письмах А. Ю. Орлова встречается архаичный термин «кран-тележка».

▲ 1

Весь измотанный, измочаленный, подхожу к аппаратной озвучки – и вдруг меня вбок повело, повело, ноги подмялись, перед глазами метеоритный дождь... Упёрся ладонями в стену, ногой, лбом прижался – хорошо не упал. Постоял, подышал, пока метеориты иссякли. Посмотрел туда-сюда по коридору: никого, пусто, вроде никто не видел. Только камера на потолке.

От стены отлепился, кое-как дотащился до аппаратной, рычаг повернул...

Вы себе представляете студию озвучания?

Дверь: массивная, тяжеленная, с круговым рычагом, как люк на подводной лодке.

Вхожу, задвигаю за собой дверищу, поворачиваю рычаг – и протискиваюсь между стеной и столом: каморка крошечная, как шкаф. А я всё-таки парень крупный. Втиснулся кое-как, упаковался, как в гробик. Включил лампу. Говорю звукооператору: сейчас, отдышусь, погоди... Воды принеси мне.

Телефон выключил, чтобы не было наводок на микрофон.

Закрыв глаза. Полная тишина, как в норе. И одно желание: побыть так подольше, и чтобы никто меня не искал. Ни долгов, ни звонков, ни анализов, ничего...

Накануне пил, да. Даже оправдываться не буду: пил. Проснулся ни свет ни заря, реакция на алкоголь. Знаете эту французскую горчицу, с зёрнышками? Вот и у меня в голове такое... пюре.

С утра поехал в Гематологический центр, в башню Мордора. Всё в стекле, в синих лампочках, все с иголки, разговаривают очень вежливо. Вот анализы вашего сына, к сожалению, то-то и то-то, гарантировать ничего не можем, но можем попробовать это и то, вот, пожалуйста, план лечения, информированное согласие, вот цена.

У них у самих язык не поворачивается произнести эти суммы, они выкладывают бумажки. Бумажки красивые, глянцевые, цветные, внизу длинные цифры с точками и запятыми. Я не впускаю эти цифры в сознание, я даже не считаю число знаков. Как сон.

Интересно, они понимают, сколько зарабатывает обычный средний актёр? Может, видели молодого меня в сериале пятнадцатилетней давности: сейчас повторяют все эти древние сериалы на мелких канальчиках... То есть морда смутно знакомая. Может быть. Но ведь знают, что я не звезда. Понимают они, что я этих денег не заработаю за двадцать лет, за всю жизнь? Мне кажется, понимают. Глядят с некоторой опаской.

Допустим, квартиру мы продаём. На две первые строчки может хватить. А дальше?

Я солидно киваю, обещаю в ближайшее время принять решение и ухожу с высоко поднятым подбородком.

Дальше еду в агентство. Это просто чтобы вы представляли мой день. И вообще мою жизнь до того, как я тут оказался. В агентстве тоже сижу два часа, пью чай из пакетика, жду, пока подготовят бумажки переподписать... А чего сижу? Какого толку в этих бумажках? В Голливуд меня что-то никто не зовёт. И в рекламу последний раз звали два года назад. Есть актёры поярче, поинтереснее. Помоложе.

Раньше они в агентстве хоть как-то оправдывались, а теперь только фыркают: «Сами знаете, время какое. Вот здесь и здесь подпишите» – и всё. Я говорю, может быть, фотографии обновим? Они смотрят мне ясно в глаза и спрашивают: зачем? Смысл такой, что вы с возрастом в лучшую сторону не меняетесь, так что уж оставьте какие есть.

И самое муторное – то, что я так неприлично долго откладывал, – всё-таки пришлось ехать к Камиллю Файзуллину. Вы его знаете, он играет Мишеля.

Год назад, когда нам сообщили диагноз Сей Сеича, я побежал по всем знакомым, полужаным... Вы когда-нибудь занимали большие деньги? Вы знаете, как меняется тон, как меняется лицо дающего деньги? Не дай вам бог. Или Бог полагается с большой буквы?

Вот Камиль – вроде давно в Москве, выговор чистый, только будто бы обезжиренный, как у всех, кто переучивался, перестраивал речевой аппарат; казалось бы, всё татарское прошлое вытравлено давным-давно – а когда деньги считал, я прямо увидел на нём полосатый халат, жирное горло над этим халатом и специфическую восточную как бы полупрозрачную плёночку на глазах, и пухлые пальчики отсчитывают-отсчитывают и немножко как бы приостановились: хватит? Или дать ещё? Чистый бай. А я, значит, батрак в отрѣпках.

На самом деле, дал неожиданно много, семь тысяч долларов. Он только что купил пятикомнатную квартиру на Шелепихинской набережной. Клубный дом «Театрал». Прямо под окнами – Театр Целмса, синий стеклянный купол. Камиль хвастался, что актѣрам дали большие скидки. Точных сумм не назвал, но я понял, что он потратил меньше, чем собирался, остался жирок. В общем, я попал в самый лучший момент. За синим куполом – Москварика, парходики плавают... Жизнь удалась.

Но Камиль строго-настрого предупредил: на нём вся родня в городе Энгельсе, так что даёт на три месяца. Максимум на четыре. Бай добрый, но принципиальный.

Пролетели полгода, а возвращать-то мне не из чего. Ну, тысячу могу вернуть, максимум тысячу двести. Тяну ещё месяц, тяну другой...

Вот вчера и напился. С винцом в груди и жаждой вместе, поникнув гордой головой, сажу пред Камилем, оправдываюсь, а потом говорю с надрывом: